

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ**

АРВАРЫ,
МАГИЧЕСКИЙ
КРИСТАЛЛ

Арвары

Сергей Алексеев

Арвары. Магический кристалл

«Алексеев Сергей»

2004

Алексеев С. Т.

Арвары. Магический кристалл / С. Т. Алексеев — «Алексеев Сергей», 2004 — (Арвары)

ISBN 978-5-17-053361-9

Двести лет прошло с тех пор, как юный Космомысл, разбив легионы ромейского императора Вария, отправился на поиски невесты – бессмертной Краснозоры, чтобы исполнить волю своего отца, Князя и Закона русов, – вернуть Дажьбожьим внукам дар вечной жизни. Многое изменилось за это время в мире: потомки исполинов, населявших материк Арвар, еще дальше ушли от древних обычаев Родины Богов, а из всех чудес великой Ромейской империи остались одни мифы. Но у императора Юлия есть надежда возродить былое величие Ромея. Женившись на артаванской принцессе Авездре, он думает завладеть магическим кристаллом – искрой божественного огня, против которого не устоит ни одно войско...

ISBN 978-5-17-053361-9

© Алексеев С. Т., 2004
© Алексеев Сергей, 2004

Содержание

1	5
2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Алексеев

Магический кристалл

1

Известие о том, что корабли Авездры неожиданно встали в проливе между Корсикой и Сардинией, пришло к Юлию, когда он разъезжал на колеснице по улицам Ромея, чтоб своими глазами увидеть, как преобразилась столица мира. Наследство ему досталось нелегкое, вот уже более века империя жила потрясениями, а за последние двадцать семь лет бесконечных войн, поражений, восстаний и нашествия варваров императорская казна настолько истощилась, а знатные граждане так обеднели, что многие дворцы и виллы, пострадавшие от беспощадных варварских набегов, внутренних усобиц и пожаров, так и стояли полуразрушенными. Камень с улиц был растащен обнищавшими плебеями и либертинами, которые строили из него свои торговые лачуги, прекрасные скульптуры были вовсе разбиты или стояли без голов и рук, на дорогах зияли выбоины, забитые мусором, из запущенных сточных труб и канав нечистоты текли прямо по мостовым в Тибр, источая зловоние.

Таким ему достался Ромей, а иного он никогда не видел, ибо родом был из не разоренного гражданской войной, нетронутого варварами и восстаниями рабов Неаполя. Юлий не любил столицу и, как всякий провинциал, достигший высшей власти, презирал чванливых и гордых ее жителей, где всякий плебей, где даже мерзкий раб кичится неким особым достоинством столичной жизни, хотя город мира давно уже был превращен в помойку.

Исправить все это за несколько месяцев было невозможно, поэтому император велел облагородить лишь те улицы, по которым проедет на своей золотой колеснице Артаванская Сокровищница – так называли придворные царевну Авездру. Не будучи в состоянии поднять из руин некогда великолепные дворцы, форумы, арены и храмы, Юлий приказал некоторые из них сломать и замостить камнем улицы, иным же отстроить лишь фасады, а у известных колоннад восстановить те колонны, которые можно увидеть из обзорной ротонды на причале или из императорского дворца. В город согнали тысячи рабов, которые вот уже два месяца днем и ночью разбирали завалы, латали дороги, мосты и великую клоаку, мыли и чистили брусчатку, корчевали пни, оставшиеся от вырубленных на дрова аллей, сносили разбитые варварами памятники и скульптуры, устанавливая на их место другие, уцелевшие. Вот и получалось иной раз, что под статуей Исиды значилось имя Брут, а за высокой арочной стеной арены не было самой арены. Но сейчас император, осматривая столицу, уже не обращал внимания на такие мелочи.

Ромея давно не видела подобных приготовлений, сравнимых разве что с триумфальным возвращением легионов после победоносных войн. Однако ни близкого, ни далекого триумфа не ожидалось, четыре ромейских армии одновременно сражались в четырех частях света, а это никогда не приносило скорой удачи. Еще молодому, полному смелых замыслов Юлию, четыре года назад вступившему на престол, нужна была всего одна, пусть не великая, не сулящая большой добычи, но победа, ибо Ромея погружалась не только в зримую разруху, но и мерзость бесконечных поражений, обволакивающую сознание империи.

Сам управляя колесницей, Юлий промчался от причала до своего дворца, стараясь увидеть столицу мира взором Авездры, и в целом остался доволен. Зодчие, проникшись желанием осуществить затею императора, поработали на славу, и теперь Ромей, если, конечно, ехать прямой дорогой, никуда не сворачивая, на холм Палатин, выглядел почти так же, как при блестящих императорах, в эпоху своего расцвета и могущества. И все же в облике города не хватало

чего-то такого, что должно было поразить воображение любопытной и своенравной Артаванской Сокровищницы еще до того, как ее корабли встанут у ромейской пристани.

Несмотря на жаркий полдень, император развернул колесницу и, увлекая за собой свиту, поехал обратно, к Тибру. На берегу реки, возле выложенного мрамором и украшенного вазонами по случаю приезда Аведры причала, он спешил и остановился у подножия столпа, на котором стояла статуя Марманы со своим символом – поднятой над головой золоченой виселицей.

С отроческих лет знак веры вызывал в нем затаенный страх и неприятие, ибо однажды, после очередной казни мятежных митраистов, разрушавших марманские храмы, он оказался в целом лесу из виселиц, с которых еще не были сняты распухшие, смердящие трупы. И до сей поры священный столб с перекладиной и распоркой между ними будил в нем тягостные чувства и желание зажмуриться, впрочем, как и веревочная петля, которую монахи постоянно носили на шее, опоясывая другим концом черные одеяния. От вида орудия казни Юлию всегда хотелось сотворить нечто великое, грандиозное и радостное. Как и все императоры, он тайно почитал Митру и теперь, глядя на крохотную фигурку раба, поднявшегося на Олимп, он подумал о родосском колоссе, некогда стоявшем вместо ворот в торговую столицу острова.

И в тот же миг, представив себе гигантскую статую, возвышающуюся над Тибром и всем Ромеем, ощутил обжигающее, юношеское вдохновение. Вот что может смирить и даже унижить гордый варварский нрав Аведры!

В последние месяцы, готовясь к приему царевны, император вынужден был часто беседовать, а иногда и спорить с зодчими, поэтому, в достаточной степени овладев сей наукой, он сразу же рассчитал, что поставить колосса так, чтобы он упирался ногами в противоположные берега, невозможно из-за чрезмерно широкого русла реки. Однако чуть ниже причала три века назад, при Сервии, был построен мост через Тибр, рухнувший под собственным весом из-за слишком тяжелых украшений и ростральных колонн. И теперь посреди стремительных вод до сей поры высится мощная каменная опора, которую облюбовали чайки.

Император знаком подозвал комита Антония и молча подвел его к древнему створу разрушенного моста.

– Здесь, – сказал будто бы между прочим, – должен стоять колосс в лучистом венце. Чудо света с острова Родос.

Стареющий полководец и придворный интриган Антоний, служивший еще прошлому, свергнутому императору и немало потрудившийся для восхождения Юлия на престол, нередко охлаждал резвость августа, уравновешивая тем самым пылкую молодость и мудрость прожитых лет. Тяжелый и громоздкий, он внушал уверенность и являл собой олицетворение надежной, непоколебимой опоры, хотя при ходьбе припадал на ногу с искалеченным палицей варвара коленным суставом.

– Греки воздвигали изваяние Митры не один год. Артаванская Сокровищница прибудет со дня на день.

– Меня более волнует, сколько потребуется денег, чтобы заплатить за листовую медь. И что еще можно продать из императорских хранилищ.

– Родосский колосс простоял очень короткое время. Всего несколько лет. Он рухнул, потому что был набит обыкновенной глиной.

– Пусть ромейский простоит несколько дней. Даже пусть низвергнется сразу после того, как корабли Аведры пройдут между его ног.

– Воздвижению Митры воспротивятся жрецы Мармана. Будут снова грозить проклятием, возмутят сенаторов, которые и так ропщут из-за этих приготовлений.

– Восхищенный возглас Аведры затмит и ропот богов.

У комита не нашлось возражений, и он тотчас подозвал к себе архитекторов и скульпторов, бывших в свите.

И в это самое мгновение внимание Юлия привлек одинокий всадник, скачущий к пристани. Улицу, по которой должна проехать царица, восстановленную и украшенную, давно освободили от народа, выставив караулы во всех переулках, поэтому стук копыт по пустынной мостовой напоминал бой тревожного барабана. Кроме гонца со срочным известием, никто бы не посмел ступить на отмытую мостовую.

Последние месяцы император, занятый мыслями об Артаванской Сокровищнице, пребывал в постоянном напряжении, подспудно ожидая неприятностей, хотя пока все шло в полном согласии с условиями Низибисского договора. Требовались немалые усилия, чтобы хранить высокородное презрительное спокойствие, никак не показывая ежечасной внутренней взволнованности. Поэтому, когда всадник, спешившись за сто шагов от свиты, побежал к комиту, а его голодная худая лошадь начала объедать листья подстриженного дерева, Юлий нарочито равнодушно отвернулся.

– Корабли артаванской царицы встали в проливе, – через минуту доложил Антоний. – Сама Сокровищница сошла на берег и отправилась на верблюдах в глубь Сардинии. С ней когорта верховой стражи. А охраняют суда пешие воины числом до сотни.

Путешествие Аведры в Ромею и без того вызывало по крайней мере недоумение. Преодолев долгий горный путь от озера Ван, она прошла через сирийскую пустыню в Киликию, где ее ждали закупленные слугами корабли, но сначала морем отправилась в Египет, затем остановилась на Сицилии и, вместо того чтобы плыть прямым путем к устью Тибра, неутомимая дочь артаванского царя теперь оказалась на Сардинии...

О цели ее перемещений в границах империи можно было лишь гадать: вело ли ее простое варварское любопытство или это были восточные хитрости, коими она оттягивала прибытие в столицу, возможно, не желая до срока показывать своих истинных намерений и зная, что есть соглядатаи, но не исключено также, что царица осматривала свои будущие владения.

– Откуда на Сардинии верблюды? – только и спросил Юлий.

– Царица всюду возит их с собой, – отвечал комит. – Полагаю, мы скоро увидим караван верблюдов на улицах столицы. Ты помнишь, август, как мерзко воняют эти животные?

– Я готов увидеть на улицах хоть караван вонючих ослов, – на ходу проговорил император и вскочил в свою колесницу, – но чтобы на одном из них возлежала Артаванская Сокровищница.

Юлий называл так не саму царицу, а одну лишь деталь ее приданого – тяжелейший океанский сундук, который охранялся так же, как Аведра, и который она всюду возила с собой. Внутри этого сундука хранился неведомый и грозный магический кристалл...

– Мне не нравятся эти ее путешествия, – Антоний захромал следом, стараясь говорить как можно тише. – Она не понимает, какому риску подвергает свое приданое...

– Не говори мне об этом.

– Я послал еще две триеры, чтобы усилить эскорт.

– И привлечь тем самым внимание пиратов?

– Ни пираты, ни Артаванская Сокровищница пока что не заметили сопровождения.

– А если заметит?

– Но она испытывает твоё терпение, август!

– И дает тебе время возвести колосс. Не на один день и не на годы – успеешь поставить его на века.

Вернувшись во дворец, Юлий вдруг ощутил некоторое облегчение от того, что прибытие Аведры в очередной раз откладывается. Намереваясь поддержать в себе это состояние и охладиться после долгих часов, проведенных на жаре, он отправился в дворцовые термы, но не успел погрузиться в прохладный бассейн, как явился недавно назначенный консул Лука.

– Прибыл посол царя Урджавадзы, – известил консул, почему-то озираясь. – С важным сообщением. Просит принять немедленно.

Императору показалось, будто вода закипает.

– Он пришел сюда, во дворец? – Юлий не смог сдержать своих чувств.

– Да, и никак не скрываясь.

– Что это? Добрый знак? Урджавадза больше не таит своих намерений заключить союз?

– Полагаю, это так, август.

– Приведи его ко мне!

Заклучив тайный договор с артаванским царем Урджавадзой, Юлий обязался принять постоянного посла и обеспечить скрытное его пребывание в Ромее, и всякое сношение с ним ни в коем случае не подлежало огласке. Явившись в пределы империи под видом работорговца, посол жил на Латинской дороге и, имея особые указания своего царя, не смел приближаться к городским воротам. И это было выгодно императору – царский посланник не видел бутафорских приготовлений к встрече Аведдры.

Когда Лука ввел посланника в термы, в глаза Юлию бросилось немыслимое по сочетанию красок и пышности одеяние: казалось, будто вкатился огромный пестрый клубок шелковых, серебряных и золотых нитей. Соблюдая этикет, посол исполнил некий диковатый танец и обнажил голову.

– О, превеликий и несравненный! – Он отлично говорил на латыни. – Мой господин, богоподобный и солнцедарный царь Артаванский и безраздельный владыка Сурийский шлет тебе пожелание благоденствия, долголетия и процветания твоей наимогущественнейшей и прекраснейшей стране!..

Император слушал с трудом, но все-таки слушал, ибо опасался в бурном потоке словословия пропустить то важное, с чем пришел этот по-варварски расцвеченный павлин. Однако на сей раз посол был краток и, закончив обязательный восточный ритуал пустословия, неожиданно деловито изложил цель визита:

– Согласно Низибисскому договору, ты вправе объявить о женитьбе в тот час, когда Аведдра войдет в твой дом. Но учитывая наши обычаи и нравы, мой господин, царь Артаванский и владыка Сурийский, хотел бы внести небольшую поправку, позволив прекрасной и несравненной дочери его прежде осмотреть твою столицу, известную как столица мира и чудес, о благородный и превеликодушный! Царевна мечтала увидеть Ромей, она так любопытна, а мы привыкли ублажать женское любопытство. Это всего лишь дань обычаю царствующей династии и маленький каприз прекрасной лунолицой Аведдры, который лишь укрепит ваш будущий брачный союз и союз ромейской империи с Артаванским царством.

Иными словами, этот восточный мудрец Урджавадза еще что-то замыслил, ибо, по разумению императора, было неважно, когда царевна увидит столицу, до брака или сразу после него. Конечно, Юлию не хотелось показывать разруху и нищету Ромея, дабы не испортить впечатления от помпезной встречи, но отказывать не было причин и ничего не оставалось делать, как соглашаться и потакать всякому капризу Артаванской Сокровищницы.

– Передай царю царей Востока, я не стану неволить Аведдру и исполню всякое ее желание. – Обычно невесомое в воде тело отчего-то тянуло на дно. – В Ромее женщина свободна.

Посол встряхнулся, будто только что прокукарекавший петух, напыжился, вздул перья и, отвешивая ритуальные поклоны, удалился. Император вышел из бассейна, принимая из рук консула покрывало.

– Ты слышал? – немного погодя спросил он.

– Хитрость варваров не имеет предела, август. Они что-то задумали. Полагаю, Урджавадза на всякий случай ищет причину, чтобы расторгнуть договор.

– Я исполню все, что бы им ни пришло в голову! И пусть Аведдра перешагнет мой порог! – клятвенно произнес Юлий и тут же постарался взять себя в руки. – Сейчас меня интересует другое... Как ведут себя персы?

– Они по-прежнему пытаются выманить легионы из междуречья в горные пустыни, – обеспокоенно доложил консул. – А войска и боевые дозоры на правом берегу подвергаются нападениям конниц, в том числе и ночью. Мамей был вынужден отвести за Евфрат последние три когорты и снять мост...

– Кто Мамею позволил сделать это? – возмутился Юлий.

– Это я позволил, август. Когорты измотаны постоянными стычками, солдаты давно не получали жалованья. Была опасность, что персы захватят переправу.

– Впрочем, да, сейчас и это неважно... Я хотел спросить о персидских эмиссарах в Армении.

До своего нового назначения Лука служил дипломатом, и благодаря его усилиям и способностям, был заключен желанный договор с артаванским царем, за что Юлий произвел тридцатилетнего грека в консулы и приблизил к себе.

– Они по-прежнему ищут связей с влиятельными особами при дворе Урджавадзы, – доложил искусный дипломат. – Мне стало известно, вавилонские купцы тайно доставили в миссию крупную сумму в золотых монетах. Готовится подкуп одного из царских советников по имени Дариастр.

– Дариастр? Это же самый влиятельный сановник! Он способен на что угодно!.. Ты сообщил об этом послу?

– В течение одного дня, согласно Низибисскому договору.

– И что он ответил?

Лука несколько смутился.

– Из его цветистой речи я понял, что Дариастр уже казнен.

– Казнен?.. Так быстро?

– В Артаване не существует судов и каких-либо законоуложений. Все судебные инстанции заменяет воля одного человека. У македон жестокая военная дисциплина.

– За что же казнили? Раскрылись его сношения с персами?

– Нет, август, он оказался лазутчиком тмутарских варягов с Русского моря.

Упоминание об этом море покорило императора, и он машинально спрятал правую руку.

– А что сейчас происходит в столице Артаванского царства?

– Внешне все спокойно. Придворные, вельможи и даже представители низшего сословия изучают ромейское право, а также латынь и греческий.

– Они изучают наши наречия?

– Да, август. Учитывая их воинский порядок, весьма успешно. Они ходят строем и хором повторяют слова. В день заучивают до сотни слов и всевозможных оборотов.

– Ромейским правом интересуются многие народы. Но зачем воинственным варварам языки?

– Языки существуют для общения, август, – уклонился от ответа дипломат. – Нам это сейчас очень кстати. Всегда приятно иметь раба, который тебя понимает.

– Ладно, оставь меня одного, – дружески попросил император. – Я хочу охладиться. В Ромее сегодня было жарко...

– Я буду за дверью, август.

– Нет, постой!.. Послушай, Лука, ты ее видел, царевну?.. Она хоть не уродлива?

– Я видел ее, но только сквозь персидский фламеум, – вновь попытался увильнуть от прямого ответа консул. – Когда царевна сидела на верблюде... Покрывало не столь прозрачное, чтобы можно было разглядеть, но показалось, дочь похожа на отца.

– О, боги!.. Неужто такое же чудовище?

– Она не вызывает крайнего отвращения. Кожа смуглая, глаза будто бы раскосые, но широкие...

– А стан?

– На Аведдре одежд было в трижды больше, чем на после Урджавадзы. И еще, ни царевна, ни Урджавадза никогда не смеются и не улыбаются. Впрочем, как и все македоны. Они вообще не умеют веселиться и радоваться.

– Наверное, это ужасно... А что еще ты разглядел у царевны?

– Отчетливо видел лишь ее руку.

– И что?..

– В руке была плеть с золоченой рукоятью, усеянной самоцветами. А на пальцах перстни с камнями такой величины...

– Довольно! – болезненно прервал его император. – Ступай... И в полночь приведи ко мне весталку.

Еще полсотни лет назад об Артаванском царстве никто в мире не слышал и слышать не мог, ибо такового не существовало. Но при императоре Клавдии из глубинных недр Востока, словно из тьмы на свет, неожиданно вышел многочисленный народ, называющий себя македоны. Разноплеменный, разноязыкий и пестрый, он поначалу воспринимался как дикая, полукочевая орда всадников на верблюдах, вторгшаяся в предгорья Кавказа. Однако скоро все заблуждения развеялись: македоны отличались высочайшей государственной организацией, по своему устройству и порядку сравнимой разве что с гигантским легионом, а богатства, коими они владели, не подлежали никаким сравнениям. Этот народ-армия без всяких сражений, словно нож в масло, вошел в земли Армении, неведомо каким образом предварительно заключив с ней очень прочный союз, и сделал своей столицей древний армянский город Артаван, до основания разрушенный персами и долгое время лежавший в руинах.

Несмотря на внешнюю воинственность, переселенцы не вели войн, не нарушали местных обычаев и их миролюбие вызывало крайнее недоумение. Персы, в то время господствовавшие на Кавказе, завидев близость несметных сокровищ и сильного, но будто дремлющего зверя, вздумали испытать его и отправили к македонам двадцатитысячное войско. И в первой же стычке потерпели такое сокрушительное поражение, что мир содрогнулся, затаился и оцепенел, будто оказался перед пастью ядовитой змеи. Побывавшие в том походе и оставшиеся в живых прежде непобедимые воины рассказывали о некоем разящем, точно молния, огне, который по воле македон пал с небес и пожег персов. А то, что осталось от войска, было порублено македонскими всадниками, передвигавшимися исключительно на верблюдах.

Дабы пресечь панику, подогреваемую подобными легендами, и сохранить боевой дух, царь персов велел отрубить головы всем спасшимся в той битве, но слух о живом огне, а вернее, о магическом кристалле, которым якобы владеют македоны и который используют в битвах, время от времени достигал ушей ромейских императоров.

Тайну этого огня, излучаемого магическим кристаллом, раскрыл Юлию комит Антоний, бывший префектом претория при старом императоре. В нее было трудно поверить, поскольку все слухи очень уж напоминали восточную легенду, выдуманную для устрашения. Однако искусный в военном искусстве стратег верил в существование такого огня и кристалла. Мало того, дабы отыскать доказательства, он засылал своих лазутчиков в Персию для изучения новой, неизвестной болезни, которая появилась у тех самых спасшихся в битве с македонами воинов. И комит нашел такие свидетельства: раны, полученные ими в сражении, были нанесены не мечами, копьями, стрелами и прочим оружием, а именно огнем, причем не обычным. Ожоги на не защищенных доспехами участках тела выглядели так, будто персов опалил тысячекратно увеличенный жар солнца. Незаживающие эти язвы, даже самые малые, гнили помногу лет, источая дурной запах, после чего человек умирал в страшных судорогах и муках.

Антоний также подозревал, что персидский царь рубил головы оставшимся в живых, чтоб скрыть следы этого живого огня, ибо сам лелеял надежду тайно завладеть им.

– Дикие варвары используют магический кристалл только как оружие! – с разочарованием и возмущением повторял комит. – Они не в состоянии открыть иной его сути! Владея кристаллом, можно владеть разумом, а значит, и миром!

Только после сражения с персами стало известно, что македоны пришли откуда-то из горных пустынь у западных границ Индии. Долгое время этот народ обитал в пределах то ли горы, то ли реки Суры, и само название его происходит от Александра Македонского. После внезапной смерти великого полководца погибла и созданная на завоеванных им землях империя, разбившись на множество мелких и маломощных стран.

Войска, вышедшие из Македонии, разными путями вернулись домой, однако на службе у великого воителя была целая наемная армия урартов, собранная из остатков некогда могущественного и воинственного государства Урарту, побежденного мидянами. По ассирийскому образцу эти наемные воины назывались «бессмертными» и, несмотря на гибель империи Македонского, они не разбрелись, не ушли под власть другого царя и не утратили армейского порядка, но возвращаться им было некуда. Отвоевывать же свою древнюю землю вблизи горы Арарат и озера Ван они не хотели, поскольку, устав от бесконечных войн, не могли противостоять армянам и персам. И тогда, захватив богатую войсковую казну, а вместе с ней, как предполагал комит Антоний, и магический кристалл, они осели в малозаселенной пустыне, образовав там некое мужское царство, называемое Сурийский Македон. А поскольку прирожденные воины-наемники не знали иного, нежели армейское, устройства жизни, то и государство создали по такому образцу.

Одно время молва о нем долетала и до Ромеи, но всегда связывалась с тем, что есть где-то на другом конце земли народ, который скупает на всех невольничьих рынках только рабынь, способных к деторождению. Навоевавшись, «бессмертные» македоны несколько столетий жили мирно, наслаждаясь семейной жизнью, где, не в пример всему Востоку, женщина была свободной, а старых женщин и матерей боготворили.

Собравшись с силами, македоны все-таки вернулись на свою прародину, ибо даже сменив самоназвание, никогда не забывали о своем происхождении. Теперь на вдруг возникшее Артаванское царство с культом женщины взирали, как на богатую невесту, и первыми, уже однажды получив жестокий отказ, стали свататься персы, отыскивая подходы ко двору властителя с гремучим именем Урджавадза.

Еще предшественник Юлия, желая вернуть Вавилон и тоже надеясь заполучить поддержку царя македон, затеял войну с Персией, которую Ромея вела вот уже тринадцать лет, едва избегая поражения. Если бы эмиссарам персов удалось склонить Артаван на свою сторону, то развязка была бы молниеносной и сокрушительной, однако вышедший из пустыни царь варваров долгое время не внимал никому, преспокойно занимаясь обустройством на новом месте, и более никогда не показывал свою силу, воплощенную в магическом кристалле. Лазутчики, отправленные в это новое царство, сообщали, что македоны нанимают самых лучших строителей и зодчих, возводят прекрасные, совсем не варварские города с дворцами, храмами, мостами и дорогами, а платят только золотом, которое добывают в горах и чеканят самую тяжелую золотую монету, называемую ара. Еще они стремительно размножаются и детей с пятилетнего возраста – как мальчиков, так и девочек – отдают в военные школы, а с шестнадцати – в легионы. Особенно опасными на ратном поле бывают пешие женские когорты, воюющие против конницы особыми кнутами, в обращении с которыми они достигли высочайшего искусства.

Все – лазутчики, купцы, зодчие, побывавшие в Артаванском царстве, – отмечали невероятную угрюмость этого народа и полное отсутствие в их жизни каких-либо праздников. Говорили, что у них не существовало ни похоронного, ни даже брачного обряда: умерших или погибших бросали на съеденье птицам, а невест, несмотря на культ женщины, попросту покупали вместе с приданым или брали за долги. Но ходили слухи, что бывало и наоборот: невесты покупали себе женихов или пользовались ими как наложниками.

И вот семь месяцев назад, без всяких домогательств со стороны ромейского императора, царь Урджавадза сам предложил ему союз, скрепленный, по обычаю македон, браком с единственной царской дочерью Аведрой. Такой союз означал бы желанную, необходимую сейчас победу не только над Персией, но прежде всего над упадком духа империи. И дело было даже не в приданом, которое давал варварский царь и которому позавидовали бы все прежние императоры; суть этой женитьбы состояла в возможности обладания магическим кристаллом, веру в который раз и навсегда вселил в императора комит Антоний.

Женившись на царевне и заполучив живой огонь, Юлий мог бы наконец-то перекинуть освободившиеся легионы с востока на север, где уже около двух веков, то затухая, то вспыхивая с яростной силой, шла заповедная, нескончаемая война с варварами, победа в которой вернула бы Ромее былое могущество.

Отдаваясь на волю судьбе – а союз с Артаваном можно было истолковать как ее счастливый знак, – Юлий в то же время осознавал, что не случайно стал избранником сильного и богатого Урджавадзы. Этот варвар выполз из небытия, дабы привиться к мировому дереву великих народов. Не жениха искал он для своей дочери, завлекая магическим кристаллом, но воплощения своих замыслов, и Ромея, пусть ныне и не блистающая, но великая и могущественная в сознании всех народов земли, достойная подражания еще на несколько тысячелетий вперед, должна была стать тараном, пробивающим врата крепости мироустройства, куда он внесет свое варварское представление о будущем, доставшееся от давно сгинувшего государства Урарту и царя ветхой Македонии.

Чтобы предвосхитить это, Юлий собственноручно написал завещание, приложил к нему Низибисский договор и, запечатав в капсулу, передал доверенной весталке из храма Весты с наказом посвящать в тайну каждого взшедшего на престол императора: несмотря на смену богов, воззрений и вер, никто не смел посягнуть на эту последнюю ромейскую святыню прошлого, и вечный огонь богини домашнего очага оставался неугасимым.

И только после этого с тайным нетерпением и страстью, как всякий жених, император стал ждать, когда нареченная невеста перешагнет порог его дома...

Не только плебеи, люмпен и колонны, но и именитые граждане Ромея не понимали, да и не желали понимать, что происходит в столице и кого это собираются встречать с такой помпезностью. Озабоченные всеобщим упадком и бесконечным добыванием хлеба насущного, они давно уже не взирали выше собственного роста и ходили, опустив очи долу, а если и замечали на улицах что-то новое, то думали лишь о том, как это снять, отковырять и потом продать на форуме. Но однажды, подняв глаза, жители Ромея внезапно узрели гигантское изваяние Митры, стоящее над водами Тибра, и изумились количеству меди, потраченной на колосс – целое состояние, сотни тысяч сестерциев можно было выручить, если повалить его и, разрубив на части, снести скупщикам. Солнце сверкало в начищенном металле так, что было больно смотреть, и многие от этого плакали, а ведь ничто уже не могло выдавить слез из повидавших виды глаз и вызвать иные, кроме недоумения, чувства.

Точно так же ромеи глядели на пестро разукрашенные корабли, которые выплыв из-за излучины Тибра и поравнявшись с эмпорием, вдруг подняли весла, на минуту замерли и начали сноситься течением обратно к морю. Равнодушия, охватившего горожан, не смогло одолеть даже природное любопытство, и никто не задался вопросом, отчего это весла кораблей вдруг с решительной силой вновь ударили по воде и вновь взметнулись вверх, как только взору открылось основание рухнувшего моста, на опорах которого стоял медный колосс. Так было и в третий раз – словно на незримую стену натянулись расцветенные шелковыми полотнищами суда, будто не могли одолеть некоей магической черты, разделявшей быстрые воды Тибра.

Мало кого из ромеев удивило то, что лишь с пятой попытки, едва ворочая веслами, гребцы все-таки провели корабли между медных ног изваяния и медленно, с вороватой осто-

рожностью, подогнали их к причалу. Никто, как прежде, не бежал к речному порту, бросив лавку с товаром, дабы узнать, кого там встречают, почему играют сведенные воедино театральные музыканты, а на подиуме стоит сам император в пурпурной мантии, возвышаясь над патрициями.

Поколебать это приземленное существование ромеев могла только яркая победа на одной из четырех войн, обозы, караваны и корабли с добычей, тысячи дешевых рабов, связанных за шею и выставленных на продажу, и еще прилавки форумов, ломящиеся от товара. Прежде сытые и самодовольные, они не могли привыкнуть к нищете и своему бедственному положению, поэтому никому и в голову не приходило, что в трюмах пестрых, потешных судов спрятаны не только верблюды, но и приданое Артаванской Сокровищницы. Иначе бы пираты, уподобившись шакальей стае, неотступно следовали за ней, чтобы, улучив момент, попытать свое разбойничье счастье.

Лишь жидкая толпа посвященных в происходящее заседателей Народного собрания, сенаторов и куриалов, для которых присутствие было обязательным, выстроившись вдоль сияющей прежним убранством улицы, стояла в ожидании, когда невеста императора изволит ступить на усыпанные розовыми лепестками корабельные сходни.

И только император тайно торжествовал, узрев потрясение Аведдры. Он самолично принимал участие в работе над колоссом, и это ему пришло в голову изменить положение рук Митры, сделав так, что в высоко поднятой правой тот держал олимпийский греческий факел, а в расположенной на уровне груди левой, дабы не вызывать ропота жрецов Марманы и особенно ярких неофитов-сенаторов, – виселицу в натуральную величину, однако же плохо видимую снизу.

Вероятно, воображение Артаванской Сокровищницы было поражено настолько, что она еще два часа не могла прийти в себя и потому не показывалась из своего шатра, установленного на палубе громоздкой, с пятью рядами весел, пентеры. И вот, наконец, тридцать бритых наголо слуг, несуразно обмотанных пестрыми и дорогими шелками, выскочили из трюма и в единый миг выстроились, образовав коридор от корабельного борта до подиума. За ними появились еще двое, похожие на жрецов; они прошли с метлами из страусиных перьев, тщательно сметая с пути ковер из лепестков роз, насыпанный по велению императора. Затем с такой же медлительностью раскатали длинный персидский ковер, застелили его тончайшим шелком, и посол Урджавадзы вывел украшенного золоченой сбруей верблюда, между горбов которого красовалось пустое седло. Исполнив замысловатый, но несуразный по движениям приветственный танец перед подиумом, он развернул животное задом к императору, заставил лечь, после чего заговорил длинно и цветисто, приглашая Юлия воссесть на верблюда.

Столь неожиданный поворот смутил Юлия, и возникла неловкая пауза. Это не укладывалось ни в какие представления об обычаях, даже самых диких и варварских, где все-таки гость выходит к хозяину, а не наоборот. В конце концов, император мог бы пройти эти тридцать шагов, разделяющих подиум и борт корабля, но не садиться на верблюда, на это надменное и тупое животное, да еще под взорами хоть и не многочисленной, но почтенной публики, что для родовитого, потомственного всадника позорно и нелепо.

Искренне желая спасти империю от гибели, он еще боялся быть смешным...

– Препрекраснейшая Аведдра ждет тебя, император, – нагло поторопил посол.

Юлий вдруг подумал о невероятной зыбкости своего положения, подиум качнулся под ногами: промедление невозможно, ибо невозможно предугадать, что взбредет в голову непредсказуемой и долгожданной гостье. В любой момент корабли капризной Артаванской Сокровищницы отчалят от берега, и Тибр унесет их в море вместе с приданным и магическим кристаллом, который, по наблюдениям соглядатаев, находился на одном из кораблей...

Пересилив себя, император спустился вниз и только сел в седло, как верблюд поднялся на ноги и вошел на палубу корабля. Здесь посол вновь заставил животное лечь, император спешил и оказался перед входом в шатер, услужливо распахнутым двумя лысыми слугами.

Юлий ступил внутрь и отвел рукой полупрозрачную занавесь...

В курульном кресле, обшитом, будто шкатулка, розовым бархатом, полулежала белокожая дева – назвать ее иначе не повернулся бы язык. Изящное, словно высеченное из мрамора тело проглядывало сквозь тончайший шелк одежд и в рассеянном свете шатра отливало легким перламутром. Маленькую головку оттягивали черные вьющиеся волосы, ниспадающие до пола, а на утонченном, поистине прекрасном и благородном лице глубинным светом мерцали огромные глаза, вобравшие в себя всю загадочность Востока.

Две чернокожие служанки чуть шевелили опахалами, нагоняя ветерок, отчего по шатру разливался терпкий, сладковатый аромат варварских благовоний. На Артаванской Сокровищнице не было ни единого украшения, ибо ни золотом, ни самоцветами невозможно было украсить то, что само по себе являлось совершенством.

– Я приветствую тебя, Авездра, – по достоинству оценив невесту, проговорил император.

– Аве, цезарь, – легко произнесла она и чуть изменила расслабленную позу. – Но отчего ты так угрюм? Я слышала, в Ромее очень весело, не то что в моем царстве. Мне нравится твоя страна. Кругом теплое море, красивые берега, тенистые леса, где поют птицы, растут всевозможные плоды. Кажется, я путешествую по раю.

– Мы называем нашу страну Серединой Земли, – неуверенно произнес император, ибо, удивленный ее неожиданной красотой и неслыханной для Востока раскованностью, испытал бурю противоречивых чувств. А запах, исходящий от ее тела, странным образом цепенил разум.

– Благодатные места, – заключила царица, не выражая ни женского любопытства, ни особого интереса. – А скажи мне, цезарь, воздвигая медный колосс, ты хотел удивить меня?

Ее варварское прямодушие и спокойствие несколько отрезвляли, но легкое потрясение все же не проходило.

– Это изваяние бога Митры, – невпопад ответил Юлий.

Она же не обратила на его смущение никакого внимания.

– Почему ваш кумир держит факел и виселицу? Мне пришлось несколько раз отходить назад, чтоб рассмотреть, что же у него в руках. И все равно я не могу понять назначения этих предметов.

Когда-то воспитателем будущего императора был греческий философ и поэт, научивший его выходить из любого положения, соединяя несоединимое.

Император никогда не терялся, но сейчас, не ожидавший подобных вопросов, чувствовал, как пошатнулась его способность к логическому мышлению.

– Факел – это свет, виселица – знак смерти, – сказал он то, что пришло в голову. – Живущие должны помнить о смерти и ценить свет.

– На Сицилии, а потом и на Сардинии я видела людей в черных одеяниях и с петлями на шеях, – продолжала она, не выражая никаких чувств. – Каждый желающий мог бы повесить их, ибо осталось лишь затянуть веревку... Кто эти люди? Приговоренные к смерти висельники?

– Это монахи, – объяснил император. – Служители бога, всегда готовые уйти из земного мира в небесный.

– Я никогда не смогу привыкнуть к вашей вере, – проговорила она с неожиданной покорностью в голосе, словно в следующей фразе, лишь с этой малой оговоркой, хотела выразить согласие на брак.

– У меня в империи разные веры и множество богов, – с готовностью сообщил Юлий. – Мои подданные свободны в выборе небесного покровителя.

Ее нежная и горячая кротость вдруг мгновенно превратилась в остывший металл:

– Мне нравятся земные радости, но более всего я обожаю неземные чудеса.

– Поэтому мною издан закон о свободе вероисповедания, – тупо повторил император. – Каждый гражданин имеет право выбора.

Авездра по-восточному загадочно усмехнулась и более никак не выразила отношения к его словам.

– Несколько лет назад я путешествовала в Индию, – вдруг сообщила она. – И повидала там много чудес... А в твоей стране есть чудеса?

Даже свободным ромейским женщинам не пришло бы в голову вести себя столь капризно!

– Ты путешествовала по египетской провинции, где стоят древние пирамиды фараонов...

– Но это всего лишь могильные склепы, – недовольно перебила его Артаванская Сокровищница.

– В ромейской империи есть все! – Император попытался собрать разбегающиеся мысли. – В том числе и чудеса. Но чтобы увидеть их, тебе нужно сойти на берег.

Она окинула Юлию пристальным и в то же время таинственным взглядом.

– Покажи мне руки, цезарь, – в ее тоне звучали и просьба, и требование. Это было столь неожиданно, что император подумал: не ослышался ли он.

– Я не понимаю тебя...

– Хочу взглянуть на твои руки, – отчетливо произнесла Авездра. – У нас есть такой обычай.

Обычно император предпочитал прятать свои руки в складках тоги – на правой у него не было большого пальца, но теперь ему пришлось исполнить необычный каприз и показать тыльные стороны ладоней – так менее заметен был изъян.

– Вот мои руки...

Но Авездра даже не взглянула на них. С минуту она пристально изучала его лицо, будто просвечивала насквозь, а потом царственно взмахнула рукой.

– Ступай, цезарь. Я сойду на берег завтра, чтоб поутру взглянуть на твои чудеса.

Император вышел из шатра подавленным, смутным, с чувством страха возможной потери, но вдохнув свежего воздуха и мгновенно избавившись от обволакивающего дурмана благовоний, будто протрезвел и за тридцать шагов от корабля к подиуму вовсе воспрял духом.

Он вдруг вспомнил, что, несмотря на все капризы Авездры, он должен исполнить главный замысел: под любым предлогом заманить ее в свой дворец. Согласно Низибисскому договору, их брак будет считаться заключенным, если царевна по доброй воле войдет в дом императора – таков был обычай македон, если это можно было назвать обычаем.

Свита тотчас окружила его и застыла в ожидании, бросая на императора пытливые взгляды. Юлий сошел с подиума и направился к колеснице.

– Авездра желает увидеть чудеса империи, – сказал он на ходу сразу всем и никому.

– Чудеса? – удивленно переспросил комит Антоний и покосился в сторону своего детища – сияющего колосса. – Разве изваяние Митры – это не чудо света?

– Артаванскую Сокровищницу трудно удивить. Она сама – чудо...

После этих слов Юлия свита растерянно умолкла. Все знали, что Авездра – дочь царя варваров, народа с дикими нравами, глубоко, до отвращения, презираемого.

Лишь жестокая необходимость заставляла терпеть унижение предстоящего брака...

– А она удивит нас? – склонившись к уху, запыхтел Антоний. – Мне кажется, на всех кораблях только верблюды и запасы корма. Если приданое составляет стадо животных... А не сокровища и живой огонь...

– Пока говорить об этом неуместно, – осадил его император. – Чтобы выполнить условия договора, мне следует поразить ее воображение, очаровать, околдовать! Иначе она не переступит моего порога...

– Театр Помпеи изумит ее, – подал голос выборный магистр искусств.
– Там стояли лошади испанской конницы, – хмуро отозвался комит. – Теперь плебеи выращивают грибы.

– Царевне следует показать храм бога нашего Мармана, – предложил понтифик, и никто не возразил ему.

– Ей не нравятся орудия смерти, – не глядя, ответил император. – А за ритуал носить на шее петлю она назвала монахов висельниками.

– Гладиаторский поединок! – нашелся кто-то за спиной. – Она не видела наших боев!

– Позовите ланисту Вергилия!

– У Вергилия нет гладиаторов, – заметил комит. – Последних двух он продал в бельгийский легион.

– У кого же осталась школа?

– У македон в Артаванском царстве.

Император узнал голос Луки и, оглянувшись, отыскал его взглядом среди приближенных.

Консул в тот же миг оказался рядом.

– Неужели они устраивают гладиаторские бои? – удивился император.

– Скорее, ритуальные поединки, август. Они настолько искусны в этом, что от арены невозможно оторвать взора. Но их мужские бои часто заканчиваются без крови. Даже в схватках со львами. А женские, когда сходятся девы и секут друг друга кнутами...

– Без крови не бывает настоящего гладиаторского боя! – отчего-то засмеялся Антоний. – Кровь на арене – необходимое зрелище! Освежает чувства и разум!

– Что посоветуешь мне, Лука? – дружески спросил Юлий.

– Будучи подростком, я ездил со своим учителем на виллу к олигарху Роману, – консул как всегда говорил обстоятельно. – Для урока по анатомии. Мы изучали забальзамированное тело человека.

– Авездра была в Египте и наверняка видела мумии.

– Но это тело необыкновенных размеров. Мумия атланта! Гиганта в четыре человеческих роста! Или даже более того.

Император ощутил легкий толчок надежды.

– Почему же эта мумия не в моей регии, а на вилле олигарха?

– Когда-то она находилась в регии, август. Но при Октавиане ее продали с торгов, чтобы достроить корабли на тарквинийской верфи. Продали очень дешево, вместе с другими предметами, составлявшими гордость империи.

– Где эта вилла?

– Недалеко от Ромея, по Триумфальной дороге.

Комит относился к молодому удачливому консулу с нескрываемой предвзятостью и в другой бы раз оспорил его предложение, однако сейчас лишь что-то шепнул префекту города, и тот, отделившись от свиты, помчался к спрятанной за форумом коновязи. Свита облегченно вздохнула, но император угрожающе понизил голос:

– Что еще есть чудесного в империи? Что мне показать Артаванской Сокровищнице?

– Когда в Ромее нет хлеба, грех искать зрелищ, – ворчливо проговорил понтифик. – Чудеса творит господь, и нам следует помолиться ему, чтоб явил нерукотворное чудо.

– Молись, – велел ему император. – О сниспослании чудес.

– Корабль варваров! – спохватился Антоний. – Варяжский хорс, летающий по волнам против ветра!

Приближенные вновь оживились, а комит торжествовал, с достоинством поглядывая на соперника.

Юлий остановился возле колесницы.

– Он стоит на берегу за эмпорием, август, вместе с другими трофейными кораблями, – объяснил комит. – А по величине в три раза больше, чем самая большая пентера! Никто в мире не строил таких кораблей!

– Почему я ничего не знаю об этом? – спросил император и замолчал, вспомнив о своей провинциальности.

Антоний тоже стал осторожнее, поскольку упоминание о победах императоров, правивших до гражданской войны, были неприятны Юлию.

– Корабль захватили очень давно. Кажется, еще при императоре Марии, который первым ходил покорять северных варваров, называемых варягами.

– Прежде чем показать его Авездре, – жестко сказал Юлий, – я должен посмотреть сам. Прикажи спустить его в Тибр.

– Это невозможно, август, – мягко вступил консул.

– Почему?

– Смола, которая двигала корабль против ветра, отвердела еще при Марии. – Обстоятельность Луки иногда раздражала императора. – Ее долго изучали ученые мужи, чтобы раскрыть тайну варварского рецепта, но воспроизвести сложную смесь не удалось. Смолу потом использовали как благовония, окуривая спальни старых патрициев, имевших молодых жен. А при триумвирате отпилили нос корабля, чтобы украсить ростральную колонну и присвоить себе старую победу над варягами. Варяжский хорс – это уже миф, август.

Конечно же, получивший великолепное образование консул был не виноват, однако разочарованный Юлий впервые взглянул на него гневно.

– Неужто от всех чудес империи остались одни мифы? – спросил он сразу у всех и ни у кого.

Потому и не получил ответа...

2

Наутро, когда император с консулом и охраной прибыли на пристань, из трюма одного из кораблей вывели сразу двенадцать верблюдов и положили их вокруг шатра. А спустя минуту крадущейся, мягкой походкой вышла сама Аведра, крайне легкомысленно, по сравнению со своими слугами, завернутая всего-то в двухцветные, обтягивающие тело шелка, и львицей прыгнула в седло.

По варварскому обычаю македон, нареченный, обрученный или даже связанный договором купли-продажи жених не имел права следовать ни впереди невесты, ни рядом с ней; он обязан был тащиться сзади на расстоянии копейного броска, пешком или конным и непременно обвязав копыта лошадей и колеса повозки войлоком, дабы не создавать шума. Проживший несколько лет в Артаване консул объяснял это остатками еще недавно пережитого матриархата, который просуществовал всего столетие, но оставил след на всей жизни македон.

Брошенные на произвол судьбы «бессмертные» наемники Александра Македонского были настолько воинственны, кровожадны и свирепы, что наверняка бы бесследно сгинули, будучи истребленными в войнах, либо растворились в других народах, если бы не ушли в пустыню и там, купив себе рабынь в жены, не передали им полную власть над собой.

Теперь Юлий должен был вкушать плоды этой власти, следуя по Триумфальной дороге за караваном верблюдов Артаванской Сокровищницы. Умышленно ли или по какому-то дикому обычаю незадолго до путешествия животных обильно накормили и напоили, отчего они бесконечно гадили на булыжную дорогу и ужасающе портили воздух. Свежий, горячий навоз налипал на копыта, обернутые войлоком, наматывался на колеса и разбрызгивался, стоило лишь чуть прибавить скорости – омерзение охватывало даже лошадей императорской кавалькады, не привыкших к такой грязи и запахам. Юлий неожиданно позавидовал комиту Антонию, которому вчера напекло голову от долгого ожидания на пристани, и он остался в Ромее готовить во дворце ловушку для осторожной и чуткой к опасности Артаванской львицы.

Хорошо еще, что путь до виллы Романа длился лишь до полудня.

После переворота и восхождения на трон Юлий ждал обещанной помощи от кондукторов – земельных арендаторов, но обедневшие из-за недостатка рабов они ничего существенного предложить не могли и лишь жаловались на дороговизну невольничьих рынков. И совершенно неожиданно его поддержали чуткие ко времени и выгоде олигархи, пожертвовав крупные суммы на содержание легионов, однако же при этом выторговав себе закон, частично возмещающий нехватку рабов, по которому можно было приписывать крестьян-колонов к имениям вместе с их землей. Тогда еще никто не знал, чем обернется это безобидное право, Юлий же, получив в наследство пустую казну, не мог обеспечить побед в войнах, а значит, и притока дешевых рабов.

По сравнению с Ромеем, олигарх ничуть не обеднел за время смут и переворотов, а напротив, судя по недавно возведенному эргастулу, где жили невольники вместе с порабощенными по новому закону гражданами Ромеи, и по размаху строительства ремесленных мастерских, еще больше разбогател. Однако же встречать императора он вышел в старенькой тоге и поношенных калцеях, к тому же неделю не бритый, хотя был заблаговременно предупрежден о высочайшем визите. Влажномасляные глаза его и не сходящая с лица улыбка не могли стереть подчеркнутой неряшливости. В юности будущий олигарх был рабом, но стал вольноотпущенником по завету Марманы и вскоре разбогател, поскольку чиновничий замкнутый клан свергнутого предшественника Юлия сплошь состоял из таких же либертинов, достигших высокого положения в Ромее, и казнокрадство уже стало привычным делом. Мало того, испытывая неуемную жажду власти, признания и уважения, используя все те же связи с себе подобными, а более всего подкуп, бывший невольник проник в аристократическую среду, получив ранг

сенатора и право носить латиклаву – пурпурную ленту на тунике. Но и этого ему было мало, и он покупал или добивался всех титулов, которые существовали в империи – от права называться ветераном до консуляра и почетного гражданина города Ромея.

Глядя на маслоглазого затрапезного хозяина виллы, император мстительно подумал, что как только будет заключен союз с Артаванским царством и поправится положение империи, он обязательно издаст эдикт об отмене закона о приписке хоть и бедных, но свободных колонов – это все, чем он мог наказать титулованного и неуязвимого олигарха.

Рослые молодые слуги-рабы, отчего-то избежавшие рекрутства в пору тотальной мобилизации, распахнули ворота виллы и, чуть склонив головы, ждали высоких гостей. Юлий готов был пропустить караван Аведры вперед, но она не торопилась оказаться в замкнутом пространстве и, кажется, собиралась въехать на верблюде не только на виллу, но и в мавзолей.

Спешился только посол.

– О, превеликий и всемогущий, – молвил он. – По нашему обычаю, коснуться всякого чуда прежде надлежит мужскому глазу. Так позволь же мне, недостойному, взглянуть на мумию, чтобы не затуманить испугом нежнейший и прелестный взор несравненной луноликой Аведры.

Император сбросил дорожный плащ, забрызганный верблюжьим навозом, и молча шагнул в ворота. Разноцветный шар посла покатился следом, а еще на шаг позади воробыным воробьятам скоком спешил улыбочивый олигарх, указывая путь.

– Прямо, ваше величество! Теперь налево, ваше величество! Теперь направо, ваше величество!

Такое обращение было введено недавно, и Юлий еще не привык к нему, как не мог привыкнуть к столице, а потому не любил, предпочитая короткое, емкое и старое обращение на «ты» новому, сладко-маслянистому, шипящему и скользкому.

За домом, в глубине усадьбы, между древних шелковиц и молодых оливковых деревьев был отстроен приземистый, многоуступчатый мавзолей, облицованный белым мрамором, наверняка снятым со стен ветшающих ромейских дворцов. Вид этой усыпальницы заставил императора замедлить шаг и остановиться перед входом. Он еще сам до конца не верил, что мумия атланта существует в действительности, хотя уже получил тому подтверждение и любезное приглашение нынешнего хозяина увидеть это чудо.

Роман суетливо забежал вперед и открыл тяжелую дверь.

– Прошу, ваше величество!

Юлий ступил в холодный полумрак мавзолея, освещенного лишь тусклыми свечами, после чего хозяин отворил еще одну дверь.

– Прошу, ваше величество! Сейчас я зажгу свет!

И по мере того, как он наполнял светом длинный и просторный зал, поочередно зажигая толстые восковые свечи, среди мрачных стен черного гранита все яростнее вырисовывался гигантский постамент, на котором лежало нечто, завернутое в белую ткань, ибо то, что проступало из тьмы, невозможно было назвать ни мумией, ни телом человека.

Обойдя вокруг постамент с зажигательной свечой, олигарх бережливо затушил ее и, как чародей, приступающий к священнодействию, начал снимать с мумии матерчатые покрывала. От ветра, вздымаемого полотнищами, колебалось пламя свечей, тени ломались на стенах, и чудилось, будто это нечто шевелится и начинает оживать. Когда же был снят последний шелковый покров, взору императора открылось тело истинного атланта, забальзамированное так искусно, что сохранился даже естественный цвет кожи. Должно быть, для сравнения, рядом с атлантом лежала шестиметровая сариса: острие копья едва доставало до его плечей, размах которых достигал длины метательного пилума.

Но более всего поражала голова – величиной со средней сосуд для хранения зерна. Руки, толщиной в торс легионера каждая, свободно лежали вдоль тела вверх ладонями, в которых

уместилось бы колесо повозки, а чуть подогнутые в коленях ноги с мощными, бугристыми от мышц бедрами напоминали прикорневые стволы выросших на ветреном месте, а потому завитых и перекрученных дубов.

И только детородный орган вызывал удивление своими неожиданно малыми размерами.

И все-таки, если можно было говорить об атлетическом совершенстве человеческого тела, еще недавно считавшегося божественным у ромеев, то образец этого совершенства лежал сейчас перед императором и настолько занимал его разум и притягивал взор, что Юлий не заметил, когда Аведра вошла в мавзолей. И не почуял ее по запаху, ибо смолистый аромат бальзама, коим было пропитано тело атланта, в точности совпадал с ароматом благовоний царевны.

Император внезапно увидел ее, когда Артаванская Сокровищница, выступив из-за поста-мента, медленно двинулась вдоль него, не отрывая глаз от циклопической фигуры атланта. В загадочном восточном взоре вместе с отблеском свечей Юлий узрел страх и восхищение одновременно. Несомненно, Аведра была поражена увиденным, однако ничуть не растеряна – губы ее чуть шевелились, как будто она читала молитвы, а опущенные и чуть разведенные в стороны руки, выставленные вперед ладонями, явно свидетельствовали об обращении к духам или богам.

Возможно, это был ритуал взирания на чудо, некая тайная молитва или прямое обращение к обожествляемой плоти атланта – никто, даже консул Лука, так и не узнал, каким богам, как и где поклоняются македоны. Они строили храмы, но посторонних туда не пускали и при любой попытке проникнуть хотя бы в пещеру, где проходили загадочные ритуалы македон, выставленные для охраны девы-воины хладнокровно засекали лазутчиков насмерть. Открыто они никогда не исполняли своих обрядов, ни в рощах, ни на полях, ни у приметных камней, ни у воды, ни у огня; предки наемников воителя Александра Македонского так тщательно таили свою веру, что создавалось впечатление, будто ее нет вовсе.

И теперь Юлий был уверен, что первым присутствует при молитвенном обряде варваров Артавана.

Дабы не мешать этому, император отступил к стене. Завершая полный круг, Аведра прошла мимо него совсем близко, и в полной тишине мавзолея до слуха донесся ее шепот, вернее, несколько слов, произнесенных на неведомом, гремящем языке, слышимом в имени – Урджавадза.

Спустя несколько минут царевна встала возле ступней атланта и сцепила пальцы рук, держа их перед собой. Император же ощутил спазм, сдавливающий грудь, словно кто-то сильный заключил его в объятия.

– Как умерший оказался здесь? – вдруг спросила Артаванская Сокровищница почти обы-денно, хотя голос в толстых стенах мавзолея прозвучал гулко.

– Я купил его, ваше величество! – почему-то обращаясь к императору, торопливо объяс-нил олигарх, и блеск в его глазах начал гаснуть. – На императорском форуме! Это было давно, двадцать четыре года назад...

– У вас продают мертвецов? – вопрос относился к Юлию, но, чувствуя удушье, император не успел ответить тотчас же, и это сделал за него титулованный хозяин.

– На торги выставили много всяких предметов из регии и хранилищ трофеев, ваше вели-чество, – снова обращаясь к императору, сказал олигарх. – Я купил мумию, а также приобрел ванну для бальзамирования и запас бальзама. Но меня вынудили еще купить меч, который, судя по размерам, принадлежал атланту. Не захотели продавать отдельно.

– И какова же была цена?

– Меча? А вы посмотрите! Вот он висит, на стене. – Олигарх поднес свечу. – Ни один, даже самый сильный воин, не способен владеть мечом выше человеческого роста. А рукоять?

А лезвие? Настоящий меч атланта! Теперь представьте себе, сколько он может стоить! А мне его навязали как довесок...

– Я спросила, сколько стоила мумия, – жестко проговорила Артаванская Сокровищница. Почетный гражданин Ромея что-то почувал, и масло вновь прилило к его глазам.

– Мумия?.. О, цена была очень высокая! Цена была непомерной! И хранитель регии никак не хотел уступать, ваше величество. Я купил ее по цене телятины! А вы знаете, сколько стоила телятина двадцать четыре года назад?

– Я не знаю, сколько стоила телятина, – отозвалась Аведра.

– Очень дорого! А если учесть вес? Мумия весит, как целое стадо! Если бы я покупал мумию египетского фараона, которой две тысячи лет и которая ничего не весит, мне бы обошлось намного дешевле. А мумии атланта всего двести лет! Двести! Разве это годы! Мне подтвердил это архиатор. И знаменитый Агриппа назвал тот же возраст, когда производил бальзамирование! Но все равно я уехал с форума без единого оболла в кармане!

– Кто он был?

– Агриппа? О, это очень искусный бальзаматор! Великий! Он сказал: «Роман, сто лет ты можешь не беспокоиться! А потом отыщи одного из моих учеников!..»

– Я спросила о мумии, – перебила его царевна. – Кем был этот великан при жизни?

– Это варвар, ваше величество, – неохотно сообщил олигарх.

– Варвар? – выдохнул император, выбивая из легких тягучий, как бальзам, воздух. – Но почему консул сказал мне, что это мумия атланта?

– Я помню вашего консула мальчиком. Он еще молод, не утратил восторга и надежд... Но, увы, это варвар. – Роман вновь стал гаснуть. – А то как бы он попал в императорскую регию? Да еще вместе с мечом, который выкован варварским способом?.. Я приглашал ученых мужей, и они подтвердили это анналами Марка Сирийского. Атланты варваров называются исполины. Этот исполин был добыт при императоре Марии и перепродан потом маркитантами патрицию Клавдию... Но все равно, это знак победы над варварами! Над их исполинами! Разве это не говорит о величии и могуществе империи? Разумеется, мумии варвара и его мечу место в императорской регии, ваше величество. Я храню их у себя не по достоинству, но это мой законно приобретенный доминий. Однако если вы, ваше величество, изъявите желание вернуть атрибуты былой славы империи, я уступлю. И возьму совсем не дорого! С учетом длительного хранения и затрат на бальзамирование это будет стоить совсем немного...

– Когда тело бальзамировали в последний раз? – вмешалась Артаванская Сокровищница.

– О, это было недавно! Сразу же после приобретения! Но Агриппа сказал мне: «Роман, забудь о бальзаме и не думай о тлене. Варвар еще сто лет будет свежим, как баранина на старом маленьком форуме возле порта Маджоре при династии Антонинов». Купите мумию, ваше величество!

– Какое имя он носил при жизни?

Олигарх наконец-то обратил внимание на царевну.

– Этого никто не знает. А разве это важно? Назовите его, как угодно, все равно он останется мумией варвара.

Царевна приблизилась к стене, где висел меч, поднесла ладонь к лезвию, словно пробуя его остроту, и на минуту замерла.

– Могу продать меч отдельно от мумии. – Роман в тот же миг оказался в двух шагах от Аведры. – Я не такой, как хранитель регии... Это очень древнее оружие варваров. От одного путешественника я слышал, что этот меч обладает чудодейственной силой... Вы только послушайте, как он звенит!

– Назови цену, – потребовала Артаванская Сокровищница.

Почетный гражданин Ромея блеснул глазами, попытался склониться к уху Аведры, но почему-то не смог этого сделать и громко прошептал:

– Поверьте, я продаю его всего за половину того, что он стоит на самом деле! Хранитель регии просто ограбил меня!

– Назови цену.

– Открою вам некоторую тайну, – улыбаясь и блуждая масляным взором, зашептал олигарх. – Я намерен уехать, покинуть эту страну... И мне очень нужен корабль. Совсем небольшой и не новый, но вместительный корабль. Я хотел бы иметь столько, чтоб купить его у одного моего давнего приятеля. А он просит за старое, гнилое судно очень много!

– Назови цену!

– Пять миллионов серебряных сестерциев! Я вынужден отдавать столь редкое оружие всего за полцены!..

Артаванская Сокровищница что-то шепнула послу, и тот поспешно вышел из усыпальницы.

А почетный гражданин Ромея подобрался к ней с другой стороны и попытался приблизиться к другому уху, но отчего-то сробел.

– Если купили меч исполина, то что вам стоит купить у меня мумию? – пугливо прошептал он. – Я готов уступить ее также за полцены. Она будет немногим дороже меча!

– Мы не покупаем мертвецов и не продаем их, – молвила Аведра, и голосу ее стало тесно в просторном мавзолее. – Мы отдаем их птицам.

Олигарх почему-то отшатнулся, закрыл уши и в тот же миг умолк и как-то сжался. А царевна подняла согнутые в локтях руки на уровне плеч, не касаясь ступней исполина, поднесла к ним ладони и замерла на несколько минут. Тягостная, могильная тишина зазвенела в ушах императора, отчего-то затрепетали огоньки свечей, словно незримый, неосязаемый ветер пролетел вдоль зала и, оттолкнувшись от гранитной стены, вернулся назад, ознобив затылок Юлия.

Аведра же опустила руки и, постукивая подкованными каблуками сапожек наездницы, покинула мавзолей.

Посол вернулся со слугами, которые внесли переметные сумы с серебром и поставили их к ногам олигарха. Тот мгновенно стряхнул с себя оцепенение, ожил, недоверчиво заглянул в одну суму, во вторую, после чего встал на колени и начал пересчитывать монеты, выкладывая их на гранитный пол. А посол сделал знак, слуги сняли со стены меч и, удерживая его кто за рукоять, кто за лезвие, понесли из усыпальницы.

Постояв некоторое время возле постамента, император вышел под сень оливковых деревьев и только тут вобрал в грудь воздуха.

Свита, оставшаяся у входа в мавзолей, почему-то непроизвольно отступила от него. На лицах мелькнуло беспокойство.

– Что с тобой, август? – тревожно спросил консул.

– Там трудно дышать, – обронил Юлий, направляясь к выходу с виллы.

– Это от бальзама. Попадая с воздухом в легкие, он мертвит и бальзамирует поры... Сколько она заплатила за меч? Август, она расточает казну...

Не дослушав его, император поспешил за ворота. Аведра была уже в седле, и погонщики, подняв верблюдов, выводили их на дорогу. Юлий пытался хоть что-нибудь прочесть на ее лице, но плотная тень, роняемая зонтом, и яркое предвечернее солнце, слепящее после сумерек мавзолея, будто растворяли и смазывали его черты. Тем временем безмозглые и надменные животные с безупречной воинской выученностью сами выстроились в три колонны таким образом, что Артаванская Сокровищница и верблюд с завьюченным на него мечом оказались в середине, прикрытые со всех сторон. Караван двинулся в обратный путь.

Пышность разряженных слуг, сопровождавших Аведру, как-то враз опала, словно из них выпустили воздух, и под тончайшим шелком четко проступили тяжелые воинские доспехи,

даже у служанок. Это была явная демонстрация того, что свита ждет нападения, чего раньше никак не проявлялось.

Должно быть, царица, кроме прочих своих достоинств, обладала даром ясновидения, хотя Юлий не собирался нападать и применять какую-либо силу, дабы завлечь ее во дворец. Заготовленная комитом Антонием ловушка была проста, безыскусна, не вызвала подозрений и при неожиданном повороте событий выглядела бы безобидно. На набережной, возле театра Марцеллы, сцепятся осями две тяжелые и длинные камневозные телеги, в каждую из которых запряжено по шесть лошадей. Обычно разъехаться им бывает очень трудно из-за перекреста постромок, тесноты и рассыпавшегося камня, таким образом сквозной проезд к пристани окажется перекрытым. Каравану придется обогнуть театр, пойти мимо Капитолийского холма к Палатину и далее следовать вдоль его круч, поскольку торгующие здесь плебеи застроили лавчонками и труппами все свободное пространство. А рухнувшая недавно стена форума Боариума завалила прямую улицу к причалу, где стоят корабли Авездры. Для разбора руин туда сгонят полтысячи рабов с повозками, которые к тому же еще перегородят проезд несколькими цепочками, передавая друг другу камни. Артаванской Сокровищнице придется свернуть еще раз и подняться на Палатин недалеко от Бычьего рынка, ибо справа и слева от нее окажется стена Сервия Туллия, за которой стоит длинное здание Большого цирка.

А по украшенной и подготовленной для встречи улице царица не пойдет, догадавшись, куда может привести императорская дорога.

Но поднявшись на священный холм, она непременно въедет во внутренний двор дворца с его боковой стороны, поскольку там для этой цели разобрана стена и все устроено так, будто есть сквозной проход к причалу и ее кораблям.

Останется лишь захлопнуть ловушку, появившись из-за спины Авездры, как только царица перешагнет порог императорского дома.

Всю обратную дорогу Юлий мысленно готовился к этому моменту, поскольку уже нечем было не только поразить воображение Авездры, но вызвать у нее хотя бы простое удивление. Ее необъяснимое, несоразмерное никакой логике сознание находилось за пределами развитого, воспитанного на высокой культуре разума. Отвердевшие, как смола из варварских кораблей, чувства невозможно было ни пробудить, ни поколебать, даже если бы он явил ей чудо из чудес. Например, если бы сейчас перед ее караваном встал Юпитер, спустившись с небес, или Нептун вышел из моря. Прекрасная и недоступная, она очаровывала, манила к себе, притягивая и будоража мысли, и одновременно отталкивала, как блестящий медный колосс, как набальзамированное тело варвара, совершенное по формам и мертвое по содержанию.

Стиснув зубы, император неподвижно стоял в колеснице и не мигал, хотя пересохший за это время верблюжий навоз на дороге пылил и порошил глаза, отчего надвигающийся вечерний город казался окутанным зеленоватой, вонючей дымкой.

Когда колесница выкатилась на Большие портики, Юлий чуть сдержал лошадей, дабы сохранить допустимое расстояние между караваном, но вдруг увидел, что верблюды беспрепятственно проходят мимо театра Марцеллы, никуда не сворачивая с набережной: камневозных телег не было.

Путь к пристани с варварски разукрашенными кораблями был открыт!

Император остановил коней и, не веря своим глазам, вышел из колесницы. Равнодушная ко всему окружающему, нелепая эта декурия всадников, ничуть не сбавляя своего неотвратимого хода, двигалась там, где должна была сейчас стоять! Плотной сбившись, верблюды прошептывали мимо театра, аккуратно обогнули подиум на причале и без остановки, на ходу перестраиваясь в одну колонну, стали подниматься по сходням на корабль.

И уже ничто не могло их остановить!

В это время к императорскому кортежу, на белой от пены лошади под скифским дорогим седлом прискакал напуганный чем-то олигарх и почетный гражданин столицы империи. Он

грузно свалился на землю, но дойти до свиты уже не смог, не держали ноги. Бросившиеся ему навстречу телохранители-целеры остановились, даже не прикоснувшись к оружию.

– Он испепелился! – протягивая императору тряпичный узелок, простонал сенатор. – Вот что осталось! Три унции пепла! Три унции никому не нужного праха... Вот, ваше величество! Я смел это с постамента...

Из узелка посыпался серый, легчайший пепел, распыляемый ветром и сносимый в Тибр.

– После вашего посещения... Он вспыхнул! Он воспламенился сам!.. И огонь был ужасным! Прекрасный черный гранит с гробницы Никифея плавился и стекал, как вода!.. Что мне делать? Я разорен, ваше величество... Кто мне заплатит?

В этот миг император вспомнил о живом огне, и ему почудилось, будто тога на плечах внезапно вспыхнула и объятая пламенем сверху донизу опалила все тело. Он охлопал грудь, стараясь сбить его, затем прыгнул в колесницу и погнал лошадей тем путем, коим хотел направить Артаванскую Сокровищницу...

В колоннаде своего дворца Юлий сбросил тогу и велел облить себя водой. Слуга схватил кувшин и принялся бережно брызгать ему на голову и спину. Вырвав сосуд из его рук, император опрокинул на себя всю воду, но так и не погасил невидимый огонь. И тогда выбежал во внутренний двор и прыгнул в нагретый за день имплювий.

Показалось, будто слышится характерное шипение медленно остывающего металла.

– Позовите комита, – велел Юлий.

– Во дворце его нет, – отозвался консул, смущенный поведением императора.

– Кто-нибудь есть во дворце?

– Только слуги, август, и жрец Марманы.

– Это что, измена? – Юлий выбрался из имплювия и надел принесенную слугой тунику.

Воспитание и дипломатический опыт Луки не позволили ему голословно обвинить соперника и одновременно усугубить состояние императора.

– Следует подождать, август. Я уже послал за ним. Сегодня утром Антоний сказался больным...

– Прежде распорядись, чтобы устье Тибра немедленно перекрыли цепями. – Император смотрел в сторону пристани, где стояли корабли Аведры. – У старого остийского моста поставить триеру и несколько бирем с готовыми для абордажа воронами. И проследи сам, чтоб было так, как я велел!

– Крайняя мера опасна, август, – осторожно предупредил консул. – От людей посла Урджавадзы трудно что-либо скрыть, а сам он владеет хорошей и быстрой связью...

– Я не стану ничего скрывать, – оборвал его Юлий. – И никогда уже не выпущу из Ромея Артаванскую Сокровищницу. Если она не станет моей женой – будет заложницей.

Лука ничего не знал о существовании магического кристалла и истинных намерениях Юлия. Но чуткий ко всякому состоянию императора, он не стал более досаждать советами и тотчас же удалился исполнять волю августа.

А Юлий сел на каменную скамью в колоннаде, чтобы не спускать глаз с кораблей, слуги принесли вино, фрукты, орехи и баклажаны, запеченные в виноградных листьях, – основную пищу, к которой он уже привык за последние четыре года. Еще десяток лет назад придворные священнослужители приходили во дворец, чтоб окурить фимиамом и начертать над входами виселицы, дабы отпугнуть нечистую силу. Но после переворота, который был поддержан коллегией понтификов, а марманские храмы пожертвовали в казну нового императора девять миллионов старых золотых аурей и два серебряными сестерциями, жрецы взяли под свое наблюдение хранилища овощей, фруктов, вин, водопровод и кухню, а один из них постоянно жил при дворце, чтоб освящать пищу во время приготовления и перед ее вкушением. Поэтому импе-

ратор, взирая на свой стол и на то, как бородатый, похожий на варвара священнослужитель размахивает виселицей с удавкой, вдруг почувствовал отвращение к постной пище.

– Уберите это, – брезгливо приказал он. – И принесите баранью ногу.

Слуги послушно унесли баклажаны, а священник, прервав обряд, надел удавку на шею и уж был готов возразить, но в это время у пролома в стене возник шум и в ту же минуту, таща за собой двух крепких целеров, возник олигарх Роман, а двое других едва сдерживали его взбесившегося коня, повиснув на уздцах.

– Ваше величество! – вдруг с бычьей силой отбросив телохранителей, вскричал самый титулованный гражданин Ромеи. – Вы думаете, я устроил пожар? Нет! Я погасил все свечи! В мавзолее стояли очень дорогие свечи!.. Но он загорелся! Как только вы покинули виллу, ваше величество! А мумия – мой доминий, моя священная собственность!

– Что тебе нужно? – хмуро спросил Юлий, не желавший видеть сенатора.

Несмотря на крайнее возбуждение, тот услышал угрозу в голосе императора и попытался умаслить взгляд.

– О, августейший! Не смею и думать о причастности!.. Но ваша спутница! Ваша прекрасная и непокорная Артаванская Сокровищница!..

– Она заплатила тебе пять миллионов серебром!

– Но эти деньги я получил за меч, ваше величество!

– Ты получил пять миллионов! Вся твоя вилла вместе с трупом варвара столько не стоит!

– Ваше величество, все по закону! У нас состоялся торг!..

– Что ты еще хочешь?

– Она обладает чарами! – вращая выпуклыми сухими глазами, прошептал олигарх. – Я видел, как она совершала какой-то тайный обряд! И подожгла!..

Он замер, стараясь угадать, что ждет его в следующий миг, а императора вдруг озарило.

– Так ступай к префекту города и предъяви ей счет за свой доминий.

Олигарх того и ждал.

– Благодарю, ваше величество! Только с вашего высочайшего позволения! Разве старый и добрый Роман посмел бы истребовать убытки с дочери самого царя царей Урджавадзы?

Одним из высших достижений ромейской империи, составлявшим гордость ее свободного гражданина, являлась священность собственности, и никто в мире, будь то божественный император или даже боги, не имел права завладеть, а равно нанести вред или уничтожить доминий, прежде не заплатив за него. Если в Артаванском царстве усиленно изучали языки и ромейское право, то знали об этом и не смогли бы высказать никаких претензий по поводу того, что их корабли задержаны в Ромее по самой простой и житейской причине – Аведра задолжала, с умыслом или ненароком спалив имущество именитого и титулованного сенатора. И теперь, куда убыток не будет возмещен сполна, не только префект города, но и он, император, обязаны защитить священные интересы своего гражданина.

А Юлий знал аппетиты ромейских олигархов, как и то, что предки префекта города в далеком прошлом тоже вышли из вольноотпущенников, поэтому был уверен, что они быстро найдут общий язык, тем паче погорелец получил добро от императора.

После короткого судебного разбирательства и вынесения вердикта Артаванская Сокровищница должна была остаться не только без своих сокровищ, но и без кораблей, без верблюдов и сойти на берег в том виде, в котором император впервые увидел ее в шатре.

В этот момент ему следовало вступить за неосторожную чужестранную искательницу чудесного, когда она, раздетая и несчастная, сама прибредет к нему во дворец. И принесет с собой магический кристалл, ибо ничем иным она не смогла бы спалить мумию.

Увлеченный неожиданным оборотом дела, Юлий даже забыл о своем гневе на комита, по какой-то причине не поставившего ловушку для Аведры и к тому же исчезнувшего. Сидя в колоннаде, будто в ложе театра, с нарастающим, мстительным любопытством император

наблюдал за декорированным пестрыми кораблями причалом и ждал, как будут разыгрываться страсти судьбою сотворенного спектакля. Изваяние Митры стояло чуть в стороне и, будучи самым высоким сооружением, еще улавливало рогатым венцом последние лучи солнца, тем самым притягивая внимание. И вдруг начищенная медная голова дрогнула, сотряслась и начала медленно падать, заваливаясь на берег. Юлий вскочил, полагая, что это у него закружилась голова, и тут заметил десятка полтора веревок, свисающих с шеи и рук колосса: кто-то невидимый на земле тянул статую вниз. Послышался приглушенный хряст листовой меди. Изумленный император взбежал по лестнице на бельэтаж, растворил дверь и, не выходя на балкон, увидел, как люди, вооруженные топорами и секирами, рубят изваяние на куски, скалывают, сминают ногами обрубки рук, плеч и торса в бесформенные комья и куда-то уносят. Не прошло и трех минут, как чудо света было расчленено до босой ступни, закрепленной на берегу; вторая, недостижимая нога, оторванная по колено, осталась стоять на опоре моста.

Император вдруг вспомнил сгоревшую мумию атланта и содрогнулся от внезапно охватившего его озноба. Но тут на ступенях дворца послышалась тяжелая знакомая поступь армейских калигул и шорох пол греческого плаща – привычные звуки, в единый миг вернувшие его к реальности.

Четыре года назад, в предутренний час, услышав эти шаги на брусчатке возле Эскилинских ворот, магистр конницы Юлий выхватил спату из ножен и, имея за спиной лишь двадцатка легковооруженных юниоров, встал против того, кто водил за собой легионы.

Меч он держал в левой руке, но не потому, что был левшой; отсеченный большой палец на правой не позволял взять в нее оружие тяжелее, чем кинжал, или натянуть лук. Поэтому Юлий в совершенстве овладел левой, что было всегда неожиданно для противника, а в тот час ему еще было неизвестно, на чьей стороне этот всемогущий человек, хромающий по пустынной улице.

Но знаменитый стратег Антоний шел тогда по усмирённому им Ромею, чтоб сказать магистру слова, и донныне звучащие в ушах:

– Юлий, подними выше свой меч. Ты император!

Сейчас он всходил по парадной лестнице дворца такой же усталой и неровной от хромоты поступью, в которой слышалась победная музыка. Дабы не выдать волнения, Юлий встал к нему спиной, взирая на зеленую медную крышу стоящего у подножья Палатина старого дворца Флавия, где был убит его предшественник. А комит, войдя в колоннаду, молча скинул плащ и, судя по звукам, разломил жареную баранью ногу и стал есть с жадным чавканьем, как изголовавшийся наемник.

Он никогда не позволял себе ничего подобного, нарочито подчеркивая, что не станет вкушать с императорского стола, ибо гордому и прославленному стратегу не пристало уподобляться придворной собаке, коей господин бросает обглоданную кость.

– Колосс рухнул, – неожиданно для себя сказал император, хотя намеревался спросить совершенно об ином.

Антоний перестал жевать, замер и, неожиданно бросившись к парапету, согнулся от рвотного позыва. За минуту его вывернуло наизнанку, на побледневшем лице выступил обильный пот.

– Почему телеги не сцепились осями? – испытывая мстительное удовлетворение, спросил император.

– Сцепились, – не своим голосом вымолвил комит. – Мне кажется, август, тебя хотели отравить. Баранина недожаренная, с кровью. А кровь вызывает отвращение.

И это говорил полководец, всю жизнь купавшийся в крови и верящий, что пролитая противником, она вселяет в воина мужество и силу.

Император приблизился к Антонию, заглянул ему в лицо и, увидев нездоровые глаза, промолчал.

– Я слышал молву, август, будто этот мертвый варвар не вызвал никаких чувств у нашей прелестной Артаванской Сокровищницы?

Его невинно-грубоватый голос звучал так обещающе, словно Юлий опять стоял у Эсквилинских ворот и ждал, чем закончится ночной визит декурии всадников в покои уже безвольного, однако хорошо охраняемого императора.

– Вызвал бы, – Юлий глянул через плечо. – Если б она имела хоть что-нибудь, что мы называем чувствами. Ее более привлекает оружие. Она выкупила меч у олигарха за пять миллионов.

– Разве может пробудить чувства труп, напичканный бальзамом? – улыбнулся комит. – Вот если бы варвар ожил на ее глазах, встал и пошел...

– Да, пожалуй... Но он сгорел, едва мы покинули мавзолей. Сенатор показал горсть пепла...

– Неужто, август, ты поверил в это? Я убежден, мумию он надежно припрятал до лучших времен, а тебе предъявил счет. Если Роман не возьмет сторицей все, что потратил на империю в ее трудный час, он не олигарх. Жертвенность – удел личности благородной и сытой от рождения. Испытавшего голод невозможно насытить, даже если запечь его в хлеб. Вот почему менее опасны варвары, нежели элита империи, познавшая это низкое чувство...

– Он всего лишь намеревается предъявить счет, – перебил его размышления император. – И его старания пойдут нам на пользу, коль телеги не сцепляются осями. Я уверен, магический кристалл находится на одном из кораблей Артаванской Сокровищницы.

Комит покосился на блюдо с жареной бараниной и брезгливо отвернулся.

– Магический кристалл... Ты тоже ищешь заморское чудо, август?

– Я ищу путь спасения империи.

Юлий еще раз всмотрелся в своего комита и неожиданно узрел причину воспаленного взора: пропыленный и обожженный солнцем тучный Антоний напоминал не придворного, а кондуктора, коему в посевную весеннюю пору приходилось целыми днями объезжать нивы, наблюдая за работой рабов.

На лице его читалась смертельная усталость.

– Каким бы ни был предъявленный счет, он, как и мертвец, не удивит Артаванскую Сокровищницу, – вдруг обреченно проговорил комит. – Тем паче не заставит войти во дворец и принести кристалл, если он и в самом деле на одном из кораблей. Она с удовольствием заплатит за свое озорство...

– Пусть заплатит. Это лучше, чем потерять все!

– Ты ничего не потеряешь, август, ибо я нашел то, чего так жаждет царевна и что заставит ее проявить чувства. Благодаря чему ты получишь в приданое не только сокровища и живой огонь, но и все Артаванское царство. И спасешь империю.

– Говори же скорей, Антоний!

– Я отыскал живого атланта, – как-то нехотя и натуженно сообщил комит. – Полагаю, он вызовет трепет у Артаванской Сокровищницы.

– Живого?..

– И не только живого, август, но молодого, можно сказать, юного.

Император потускнел.

– Я ожидал большего, Антоний. Вряд ли можно удивить ее атлантами. Хоть мертвыми, хоть живыми и юными...

– Он бессмертный.

В первый миг это никак не тронуло сознания, ибо в голове было много сиюминутных и скоротечных мыслей: на причале, возле кораблей Авездры, выстроился караул префекта города, и сам он, не к месту и не к случаю обряженный в белую тогу, встал возле сходен.

И вдруг отяжелевший взор комита заставил Юлия сосредоточиться на его последних словах.

– Мне сорок семь лет, август, а я уже старик, – с несвойственной ему безысходностью вымолвил Антоний. – Тебе двадцать девять, но ты прожил большую половину жизни. Сегодня я зрел человека... Впрочем, человек ли он? Бессмертие – привилегия богов...

– Сколько же ему?

– В это трудно поверить... Но я сам видел свидетельство времени. Договор купли-продажи, подтвержденный нотариусом... двести лет назад. Все, что связано с собственностью, у нас священно и потому вечно. Вот только жизнь коротка...

– погоди! Но мумии атланта тоже двести...

– Нет, это не ожившая мумия. Атлант никогда не умирал.

– Хочешь сказать, он был кем-то куплен как невольник?

– Да, он раб. Только бессмертный раб. Звучит невероятно, но это так. Он пережил не одно поколение хозяев, успевших родиться, вырасти, возмужать и умереть. И если бы только пережил! Он не постарел ни на один год, оставшись юным!.. Более всего на свете потрясает время, август, и я сегодня ощутил его чудесную природу. Еще в детстве я смотрел на старые деревья и думал, они видели мое рождение и увидят мою смерть, оставшись стоять под солнцем, как стояли. И мне становилось так обидно, что я плакал и взывал к богам! И вопрошал, как же так? Я – человек! Мое тело сложнее и искуснее, чем древесина, я разумен, способен к созиданию, к творению вечного! Почему же все это погибнет и превратится в тлен, когда твердое, бездушное дерево останется живым и зеленым?.. Сейчас я стар, и у меня нет слез, но хочется плакать от радости. Лишь одно прикосновение к бессмертию, возможность лицезреть его способны всколыхнуть самое огрубевшее и опустевшее сердце, август. Вот он, магический кристалл!

Юлий помнил Антония свирепым, когда верные императору когорты заливали мостовые кровью возмущенных свободных граждан Ромея; знал глубоко подавленным и удрученным, когда предали ближайшие сторонники, а за три часа до назначенной казни нашел его спокойным и мужественным. Видел будущего комита в тяжелый час поражения, когда его легионы бежали под натиском варварских полчищ, и в торжественный момент победы возле Эсквилинских ворот – нигде и никогда он не терял присутствия духа и суровой, отважной злости героя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.